

**КОСТА
ХЕТАГУРОВ**

**ОСЕТИНСКАЯ
ЛИРА**

Коста Хетагуров

Осетинская лира

Москва, 1939 год. Государственное издательство "Художественная литература". Издательский переплет. Сохранность хорошая. Настоящее издание представляет собой сборник стихотворений осетинского поэта Коста Хетагурова, основоположника осетинской литературы и осетинского литературного языка. Сборник состоит из двух разделов: "Осетинская лира", "Стихотворения, написанные на русском языке". Издание предваряется критико-биографической статьей.

Содержание

Думы сердца, песни, поэмы и басни ПОСЛАНИЕ . . .	
0007	
ДУМА	0008
НАДЕЖДА	0009
О, ЕСЛИ БЫ!	0011
СПОЙ!	0012
ПРОПАДИ!	0013
ЗНАЮ	0016
ЖЕЛАНИЕ	0017
ПРОЩАЙ!	0018
ПЕСНЯ БЕДНЯКА	0020
СЕРДЦЕ БЕДНЯКА	0021
А-ЛОЛ-ЛАЙ!	0022
У ГРОБА	0024
ВЗГЛЯНИ!	0025
В РАЗЛУКЕ	0027
БЕЗ ПАСТУХА	0028
СОЛДАТ	0029
ГОРЕ	0031
ТРЕВОГА	0032
МАТЬ	0033
КУБАДЫ	0037
КТО ТЫ?	0042
ФСАТИ	0053
НА КЛАДБИЩЕ	0057

БЕЗУМНЫЙ ПАСТУХ	0069
РЕДЬКА И МЕД	0070
ОЛЕНЬ И ЕЖ	0072
ПОСТНИК	0073
ПРИВЫЧКА	0075
ЛИСА И БАРСУК	0078
МУЖЧИНА ИЛИ ЖЕНЩИНА?	0080
В ПАСТУХАХ	0082
КИСКА	0088
ШКОЛЬНИК	0089
ШАЛУН	0090
КОМУ ЧТО...	0091
БУДЬ МУЖЧИНОЙ	0092
СИНИЦА	0093
ЛАСТОЧКА	0094
ВЕСНА	0095
ЛЕТО	0096
ОСЕНЬ	0097
ЗИМА	0098
ПРИЛОЖЕНИЕ	0099
НОВЫЙ ГОД	0100
МУЖ И ЖЕНА	0103
Стихотворения, песни и басни, не вошедшие в беловой автограф «Осетинской лиры» * * * .	0105
О ЧЕМ?	0106
ДУМА ЖЕНИХА	0107
ТОСКА ВЛЮБЛЕННОГО	0108
В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ	0109

УПРЕК	0110
ПРИСЛУЖНИК	0112
НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ	0114
ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ	0115
ПРИВЕТ	0116
Незавершенные произведения ХЕТАГ	0117

Коста Хетагуров

Осетинская лира

Думы сердца, песни, поэмы и басни

ПОСЛАНИЕ

Прости, если отзвук рыданья
Услышишь ты в песне моей:
Чье сердце не знает страданья,
Тот пусть и поет веселей,
Но если бы роду людскому
Мне долг оплатить довелось,
Тогда б я запел по-другому,
Запел бы без боли, без слез.

ДУМА

Пушкой не знает
Покоя Творец!
Семья родная,
Оплачь мой конец.
Я слаб, безвестен
В родимом краю...
Отец, о если б
Мне доблесть твою!
Отвергнут ныне
Селением всем,
В тоске, в унынье
На сходках я нем:
Стою, увядший
От дум и забот.
На битву младший
За мной не идет.
За край мой кровью
Своей не плачу -
Раба оковы,
Бесславный, влачу.

НАДЕЖДА

Что брови сдвигаешь,
Отец? Ты не прав!
Зачем принимаешь
Ты к сердцу мой нрав?
Чей сын ожиданья
Отца оправдал?
Кто в юности ранней
Ошибок не знал?
По мне ль твоя слава
И гордая честь?
Оставь меня, право,
Таким, как я есть.
Ружья не держу я,
Не мчусь на коне,
И шашку стальную
Не выхватить мне.
Пусть чванный злословит,
Ему ты не друг!..
Волы наготове,
Исправен мой плуг, -
То дум моих бремя,

То вещей фандыр;
Несу я, как семя,
Поэзию в мир.
А сердце народа!
Как нива оно,
Где светлые всходы
Взрастить мне дано.
Мой край плодоносен,
Мой полон амбар,
И в море колосьев
Ныряет арба.
Не бойся за сына,
Отец! Ты не прав.
Тебя без причины
Тревожит мой нрав!

О, ЕСЛИ БЫ!

Светится сердце людское в тумане
Издалека.

Много порою бывает желаний
У бедняка.

Если б, – мечтает, – настало мгновенье,
Чтобы народ

Дал мне отцовское благословенье,
Славу, почет!

Если б я принял чужую кручину
В песни свои,

Если б увидел я счастья вершину
Только в любви!

СПОЙ!

Слыша песнь твою, родная,
Я тружусь, не уставая,
Ты – луч солнца мой, -
Спой, девица, спой!..
Отнял враг свободу нашу...
Спой! Уже страданий чаша
До краев полна...
Как горька она!
Весь народ земля питает...
Ты оплачь меня, родная, -
«Как теперь, – скажи, -
Без земли нам жить?!»
Нам над пашней не трудиться.
Спой! Учи меня молиться!..
Не оставь меня,
Ты – сиянье дня!..

ПРОПАДИ!..

Пропади ты, жизнь,
А с тобой и я.
Ты беду мою,
Поглоти, земля!
Как змея, напасть
В грудь мою впилась.
Пропади ты прочь,
Злого горя власть!
Изменила мне
Черноокая...
О, позор ты мой!
О, жестокая!
Перед Богом ты,
Нет, не мне клялась,
Не мое кольцо
Носишь ты сейчас.
Эх, красавица,
Почему меня
Обманула ты?
Бог тебе судья!
Зиму горскую,

Под весенний звон,
Вспоминаю я,
Как прекрасный сон.
Иль друг другу ласк
Не дарили мы?
Или нежных слов
Не шептали мы -
В ожидании
Благодатных дней?
Как же счастлив был
Я в любви своей!
Кто берет тебя
Навсегда в свой дом,
Пусть дерзнет меня
Превзойти во всем:
Бить без промаха,
На коне лететь,
В горском танце плыть
Или песни петь.
Нарядил в шелка -
Удивил аул!
Стан твой поясом
Дорогим стянул.
Не застежек – звезд
На груди игра...

В золотом шитье
Ты ловка, быстра.
Пропади ты, жизнь,
А с тобой и я!
Ты беду мою
Поглоти, земля!
Как змея, напасть
В грудь мою впилась.
Пропади ты прочь.
Злого горя власть!

ЗНАЮ

Знаю, поплачете, может,
Вы, зарывая мой прах,
И пожелаете в Божьем
Царстве мне всяческих благ.
Знаю, барана забьете
И, не грустя уж ничуть,
Вдосталь араки нальете,
Чтобы меня помянуть.
Каждый, наверное, скажет
То, что обычай велит.
После ж – не вспомните даже,
Где я в могиле зарыт.

ЖЕЛАНИЕ

Завидую тем, кто согрет
На утре безоблачных лет
Теплом материнских объятий.
Завидую тем, кто потом
Дни детства помянет добром,
Кто весел на грустном закате.
Завидую тем, кто в своей
Отчизне средь верных друзей!
Чей пир – это песня с игрою!
Завидую тем, кто с арбой,
Кто с плугом своей бороздой
Проходит рабочей порою.
Завидую тем, кто народ
Мятежною речью зажжет,
Чьего ожидают совета.
Завидую тем, кто любовь,
Честь имени, славу отцов
Хранит и в преклонные лета!

ПРОЩАЙ!

Всем снаряжен я: арчита, котомка;
Пояс из прутьев скрутил я, как мог,
Палка со мною, в отрепьях шубенка...
Впору прощаться нам... Путь мой далек...
«Прочь!» – ты давно говорила глазами,
Взглядом тебя я пугаю давно.
Сердце твое я услышал и замер:
Стон потаенный мне слышать дано.
Свет мой, прощай!..
Больше видеть не будешь.
Благ от скитальца не следует ждать.
Знаю, что завтра мой взгляд ты забудешь,
А послезавтра забудешь как звать.
Может, припомнится вдруг, как в тревоге
Жил горемыка, мечтал, одинок.
Может, приснится тебе, как в дороге
Кто-то ступает за смертный порог.
Ты не пугайся! За сном этим следом
Счастье придет к тебе, горе губя.
Кто-то возьмет на себя твои беды,
Кто-то отдаст свою жизнь за тебя.

В спутницы кличу судьбу нашу злую,
Может быть, с нею пойду я за край
Жизни, и с нею же гибель найду я...
Не убивайся!.. Прощай же, прощай!..

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

У людей – не дом, а терем,
Там светло, тепло, уют,
А у нас в пустой пещере
Дети с голода ревут.
У людей – пиры, гулянья
Будоражат гор хребты,
А у нас, как причитанье,
Лишь мяукают коты.
У людей из жирной туши
Капли падают в золу,
А у нас мышей летучих
Не сочтешь в сыром углу...
У людей – пшеницы вволю:
Год молоть – не видно дна,
А у нас, на нашу долю, -
В год один совок зерна...

СЕРДЦЕ БЕДНЯКА

Зима и нас не миновала,
В рост человека выпал снег,
И злая стужа с перевала
Уж замостила русла рек.
Здесь ночи тягостны и длинны...
Когда ж весна придет опять?
Поужинав, не жжем лучины;
Нет кизяка – ложимся спать.
Бедняк живет в хлеву и стойлах,
К труду его – вниманья нет,
И жесток ложа серый войлок.
И плод забот его – обед.
Все дни его полны трудами
И утешенья лишены,
Но, горю вопреки, ночами
Он видит радостные сны.

А-ЛОЛ-ЛАЙ!

Мать легко тебя качает.
Лунный луч с тобой играет.
Ты расти, мужай!
А-лол-лай!..
Ты – моя надежда, сила.
Пусть ягненком белым, милый,
Вечно для тебя
Буду я!
Наша жизнь страшнее ада.
Твой отец не знал отрады,
Весь он изнемог.
Спи, сынок!
Станешь старше – ожидает
И тебя судьба такая!
Для меня мужай!
А-лол-лай!..
Из простой коровьей кожи
Ты б арчита сделал тоже,
Стал бы голодать...
Время спать!
Ты б дрова таскал, усталый,

Я бы вышла и сказала:

«Мать всегда с тобой,

Ясный мой!

А умру – забудь про горе.

Ты люби родные горы,

Их не покидай!»

А-лол-лай!..

У ГРОБА

Для нас потрудился ты много,
Теперь отдохнешь ты в раю.
Не требуй награды у Бога:
Мы жизнь не забудем твою.
Ты жил, сострадая народу,
От юности до седины,
Светильник зажег в непогоду,
Чтоб дали нам стали ясны.
Ты был пастухом у неправных,
Наш край полюбил ты, как мать.
За благо трудов твоих славных
Какой тебе платой воздать?
Мы сами, и дети, и внуки
Тебя не забудем, скорбя,
Но знай, что на горе и муки
Остались мы после тебя.
1891 г.,
3 марта г. Владикавказ

ВЗГЛЯНИ!

Без матери, брошен отцом,
Отчизну, родительский дом
Оставил я в юные годы.
В чужом, безучастном краю
Весну проводил я свою,
Встречая одни лишь невзгоды.
Сказал я: неси же домой -
В Осетию, в край наш родной,
Свое одинокое горе...
И хлынули слезы из глаз,
И радость в груди разлилась:
Увидел я снежные горы.
Но более бедным, чем я,
Вернувшись, нашел я тебя,
Народ, изнуренный заботой.
Нет места тебе ни в горах,
Ни в наших привольных полях:
Не стой, не ходи, не работай!
Достойных так мало у нас!
И что мы такое сейчас?
И чем мы со временем будем?

Ползешь ты вслепую, мой край.
Взгляни ж, Уастырджи, и не дай
Погибнуть измученным людям!

В РАЗЛУКЕ

Как сердце тоскует с тобою в разлуке,
Отчизны моей молодежь!

На прах мой – страшнее не может быть му-
ки -

Ты даже слезы не прольешь!..

А злая чужбина терзает и гложет

Мне сердце сильней и сильней...

Не смерти боюсь я, – но кто же разложит

Костер на могиле моей?

Чья девушка так обо мне зарыдает,

Чтоб дрогнул утес в вышине?

Кто песнь обо мне на фандыре сыграет,

Кто в скачке мелькнет на коне?

Как сердце тоскует с тобою в разлуке,

Отчизны моей молодежь!

На прах мой – страшнее не может быть му-
ки -

Ты даже слезы не прольешь!..

БЕЗ ПАСТУХА

В чаще со стадом пастух не расстанется,
Зорко за ним он следит...
Что же с тобой, молодежь наша, станется,
Кто же тебя защитит?
Ты, обезумев, как стадо голодное,
В чаще блуждаешь лесной, -
Ищешь ты стебли в лесу прошлогодние...
Гибнешь... Что будет с тобой?
О, если б только над горной вершиною
Песню пастух твой запел,
Кликнул тебя – и в семью бы единую
Быстро собрать всех сумел!..

СОЛДАТ

Пусть он не знает покоя счастливого -
Тот, кто нас хочет сгубить.

Мать, ты не шей мне наряда красивого,
Мне ведь его не носить.

Тонким сукном мою душу угрюмую
Ты не порадуешь, мать.

Унтер ударит, но горе, коль вздумаю
Я отомстить, не смолчать.

Сын твой ни слова не скажет о голоде,
Кашей питаюсь одной.

В угол забьется в казарменном холоде,
Спит на соломе гнилой.

Ты не оплакивай жизнь безотрадную,
Сын твой и сам ей не рад.

Он не попросит черкеску нарядную,
Он не жених, а солдат!

Если убьют меня, нет мне отмщения.
Плачем ты горе утешь -

Ты созови на поминки селение,
Нашу корову зарежь.

Мать, не рыдай над сыновней судьбиною,

Вытри слезу ты свою!

Жадный до жизни, пускай и погибну я,
Но за себя постою!

ГОРЕ

Как не рыдать, мои горы, над вами!
Лучше б золою я вас увидел!
О, почему не засыплет камнями
Судей неправедных грозный обвал?..
Пусть хоть единый из них содрогнется,
Пусть его горе народа проймет,
Пусть оно мукой в душе отзовется,
Пусть хоть одну он слезинку прольет!..
Крепко мы скованы вражьей рукою,
Все, что мы чтили, поругано тут.
Отняты горы... Нет мертвым покоя,
Старых и малых тиранят, секут...
Как от свирепого хищника стадо,
Мы разбежались, покинув свой край.
Что же ты, пастырь наш? Где твои чада?
Пламенным словом нас вновь собирай!
Горе! Мы к смерти бежим от позора,
К пропасти злобно нас гонят враги.
Мощью народа взгреметь бы вам, горы, -
Кто-нибудь смелый, скорей! Помоги!

ТРЕВОГА

Возлюбленный друг мой! Мой друг незнако-
мый!

Каким тебя именем надо назвать?

Увижу ль, неясной надеждой влекомый,

Тебя я счастливой, о родина-мать?

Родная земля! Твоим стонам я внемлю,

Звучащим из твердой, гранитной груди...

Мой друг! На земле ты иль скрылся под
землю,

Где б ни был, – на клич мой скорей выхо-
ди!..

Откликнись! Призыв мой звенит и в моги-
ле!

Иль в женской одежде скитайся, скорбя!..

Осетия бедная! Кровью, насильем

Пришельцы-алдары смирили тебя!

Но, может быть, в поисках правды желан-
ной

Нарочно права свои вверил ты им?

Умри ж от раскаянья, друг безымянный,

Признавший пришельца алдаром своим!..

МАТЬ

К оченеет ворон...
Страшен бури вой...
Спит на круче черной
Нар, аул глухой.
Долгой ночью лучше,
Чем тяжелым днем...
Светится на круче
Сакля огоньком.
На краю аула
В брошенном хлеву
Нищета согнула
Горькую вдову.
Горе истерзало -
Где уж тут до сна?
Над огнем устало
Возится она.
На полу холодном -
Кто в тряпье, кто так -
Пять сирот голодных
Смотрят на очаг.
Даже волка косит

Голод в холода.
Злая смерть уносит
Слабых без труда.
«Ну, не плачьте! – грустно
Говорит им мать, -
Накормлю вас вкусно,
Уложу вас спать...»
Можжевельник саклю
Дымом обволоку...
Капают по капле
Слезы в котелок...
«Сгинув под обвалом
В день злосчастный тот,
Ты, кормилец, малых
Обманул сирот.
Пятерых покинул...
Что же впереди?
Лучше б сердце вынул
Из моей груди!
Видно, муж мой милый,
Ты жены умней, -
Что бежал в могилу
От семьи своей.
Сохнет и хиреет
Сын любимый твой:

Лечь бы нам скорее
Рядышком с тобой!»
Капают по капле
Слезы в котелок...
Можжевельник саклю
Дымом обволоку...
Засыпает младший
Раньше всех детей, -
Изнемог от плача
Лучший из людей.
Подожди ты малость! -
Лягут все подряд.
Голод и усталость
Скоро победят.
«Мама, не готово ль?
Дай похлебки! Дай!» -
Всем вам будет вдоволь,
Хватит через край!
Котелок вскипает,
Плещет на золу...
Дети засыпают
У огня в углу...
Ветер воет глуше,
Горе крепко спит.
Сон глаза осушит,

Голод утолит.
На солому клала
Малышей своих,
Грея, укрывала
Чем попало их.
И покуда мрачно
Теплилась зола,
Все насытить плачем
Сердце не могла.
Детям говорила:
«Вот бобы вскипят!»
А сама варила
Камни для ребят.
Над детьми витает
Сон, и чист и тих, -
Ложь ее святая
Напитала их...

КУБАДЫ

Что время года?
На месте сходовок,
В худой шубенке,
Седой, горбатый,
Сидит Кубады
С фандыром звонким.
Всю жизнь скитался.
Мальцом остался.
Один под небом.
Не раз безродный
Плясал голодный
За корку хлеба.
Босой, избитый,
В душе – обиды,
И грязь на теле.
Жилось не сладко,
Из трещин в пятках
Лягушки пели.
Нет, сгинуть лучше,
Чем биться, мучась,
Добра не зная!

В разлуке вечной
Пусть бесконечно
Ревет родная,
Что не вскормила
Ни солнца силой,
Ни грудью белой,
Что в детстве раннем
Своим дыханьем
Тебя не грела!..
Ему в ненастье
И хлев был счастьем,
Смотреть на щели
Пастух не станет!
А снег нагрянет -
Поет в пещере!
Овца без пищи?
Он сена сыщёт
В чувяке прелом.
Фандыр на диво
Он из напльва
Березы сделал.
В снегах вершины,
Кусты долины
И дуб угрюмый
К нему клонились

И с ним делились
Заветной думой.
Орла порывы,
Вой вьюг тоскливый,
Гром в поднебесье,
Слеза оленя,
Ручья кипенье -
Пастушьи песни.
Свет после бури,
Краса лазури,
Привал для стада,
Лука и воды,
Пора свободы -
Мечты Кубады.
Но счастье кратко:
Беда украдкой
Придет, не спросит -
И беспричинно
Мясо с овчиной
Волк не уносит.
Пастух отличный
Учет обычно
Ведет, как надо...
Куда ж деваться
Могло пятнадцать

Овец из стада?
Пропали где-то...
Кому об этом
Расскажешь горе?
Ох, треснуть может
Пастушья кожа:
Алдар заперет!
Предвидя порку,
Овец пригорку,
К селу пригнал он -
И убегает
За склон Адая -
К дигорским скалам.
Страной родною
И Кабардою
С фандыром шел он.
В Калаке с пылом
И пел и пил он
В кругу веселом.
Какие песни!
Что их чудесней,
Добрей, милее?
Сказанья эти -
То смехом встретишь,
То грусть навеют.

В пути-дороге
Не слабнут ноги,
А песни – краше.
Вот видим снова
Певца седого
В ауле нашем.
Что время года?
На месте сходок
Он восседает,
Слепой, горбатый...
Но кто Кубады
У нас не знает?

КТО ТЫ?

Не спрашивай, кто я.
Ведь ясно, как день, -
И это не скрою, -
Что я не уздень.
Рубаха – холстина,
Черкеска, бешмет, -
Для горского сына
Наряднее нет.
Арчита, заботы
Несносного дня.
Спросил меня: Кто ты? -
Так слушай меня.
Родился в горах я.
А где? Назову.
На свет я без страха
Явился в хлеву.
Роженица вместо
Сырого угла
Привычнее места
Найти не могла.
Проклятьем суровым

С тех пор надо мной:
Кто доброе слово
Промолвил больной?
Все словно исчезли
В тот бедственный час.
Никто от болезни
Родную не спас.
Отец одиноко
Ругает житье.
Наказан жестоко
Он смертью ее.
Вскормлен я другою,
Что день изо дня,
Не зная покоя,
Растила меня.
А дни непогожи:
Там горькой порой
Год первый я прожил,
И прожил второй.
Потом с упоеньем
Скитался, упрямя,
То с пляской, то с пеньем
По многим пирам.
Отца вспоминаю.
Он не был мне рад.

Его называю,
Прости мне, Хамат.
Женился он снова,
И с этого дня
Приличного слова
Не слыхивал я.
Узнал, что такое
Власть злобной руки,
Чья ласка – побои,
Гостинцы – пинки.
Охота швыряла
Отца по горам,
А мать побиралась
По разным дворам.
Охотничье дело -
На смертном пути.
На кладбище – тела
Отца не найти.
Скитался по свету -
Светло или мгла...
Разбился он где-то! -
Вдруг весть к нам дошла.
Жена погрузила,
И вскоре потом
Продать поспешила

И землю и дом.
Проела и – крышка.
Ведь взрослым видней!
Как мог я, мальчишка,
Указывать ей!
Совсем без призора
Остался, пострел, -
Мне десять. Как скоро -
Хоть плачь! – повзрослел.
А мачеха тут же
(Лишь год прождала),
Нашла себе мужа,
За ним и пошла.
В соседстве неблизком
Средь новых забот
Теперь в Алагирском
Ущелье живет.
– Живи, ты свободен,
Умрешь, не беда! -
К какой я был годен
Работе тогда?
– Как хочешь! – сказала.
Я помню сейчас:
Ягнят поначалу,
Голодный, я пас.

Постель моя – травы...
Батрак, среди дел,
Задиристо, право,
«Да-да-дай» я пел.
Подпасок примерный,
Я стал пастухом.
Мне по десять мерок
Платили зерном.
Котомка, да шапка,
Да хлеба кусок, -
В накидке не зябко,
Работай, дружок!
Ругали, пороли, -
Я все испытал!..
Но все же порою
«Да-да-дай» певал.
И вот мне шестнадцать -
Мужчина, у дел.
Успел наиграться,
Поспать я успел.
Косарь я плечистый, -
Крутая рука.
Размашисто, чисто
Побрею луга.
Иду – не удержишь, -

Косою звеня.
Но где они, где же
Луга у меня?
Земля моя, где ты?
Не видно ничуть.
Запродана, нету.
Кого попрекнуть?
Батрачил, отчаясь,
Я до двадцати.
Чего не встречалось
На этом пути?
Силен был, и кряжист,
И крепок мой шаг...
Любую нес тяжесть,
Как истый ишак.
Знал дело любое:
Как ткал я сукно!
Шитье золотое
Освоил давно.
Иглой, как портниха,
Я лихо владел...
Работая, тихо
«Да-да-дай» я пел.
А сердце... Покоя
Ему не дано.

Скажи: ты плохое! -
Поверит оно?
Играет лучами
Порою дневной
И любит ночами
Скитаться с луной.
И слышит – откуда? -
Свободы призыв.
И кровь – не причуда
Кипит в нем. Порыв!
Краса длиннобровой
Смутила юнца.
Ни крепкого слова,
Ни просто словца.
Меня закачало
И кружит опять.
Не видно начала,
Конца не видать.
Увижу – отрада...
А вот иногда
От этого взгляда
Мне гибель, беда.
Дичился, молчал я,
Работу губя,
Судьбу проклинал я,

Бежал от себя.
От всех отгорожен,
Шел трудной тропой.
Гей, сердце, кто может
Бороться с тобой?
Зачем мне светила
Среди бела дня?
Зачем проходила
Ты мимо меня?
Само простодушье, -
Ты скрытно добра.
Ведь я без оружия, -
К чему ж кобура?
Зачем издалека
Беседу веду,
Печально жестоко
Тревожу мечту?
Обвалы-заботы
Зимой нам страшны.
А осень – работы...
Что ж краше весны?
Земля – как ликует!
Светлы небеса.
Трава! Не ворует
Соломы коза.

И реки желтеют,
И горы черны,
И птицы смелеют
От чувства весны.
Все жарче, все злее
У сердца запал.
Эй, парень, живее!
Куда ты пропал?
Похвастался силой?
Смири свою кровь.
Родителям милой
Калым приготовь.
Достаток батрачий...
Готов мой калым.
Он собран, а значит -
Не медли ты с ним.
Мой конь – чего ж проще? -
Соль ел у меня
С ладони, – для тещи
Купил я коня.
Но вот... Что же было
Причиной тревог?
Отец моей милой
Не только лишь строг, -
Он высокомерен

Всегда с батраком.
Сырдоном и зверем
Входил он в свой дом.
Всем рот затыкает,
Словца не сказать...
А девушка тает,
В отчаянье мать.
В согласье мы с нею
И с нами – она.
Отец же все злее,
Медведь! Сатана!
Клал жертвы я Богу -
Не принял их Бог.
А сердце – тревоги
И боли комок.
Кого послать сватом?
Кто время найдет
Для нищего брата,
Для брата невзгод?
Кого послать сватом?
Кто сможет помочь?
Медведь грубовато
Прогонит всех прочь.
Пойти мне? Но чую, -
Что все загублю.

А вдруг не смолчу я?
Вспылю – не стерплю.
Какие-то сваты
Сидят у отца.
Мать в гневе и свято
За нас до конца.
А дочь безутешна,
Рвет волосы дочь...
И все – безуспешно...
Мне ей не помочь!
Но все ж и намедни
Взывала ко мне:
– Ты где же? Немедля
Явись, хоть во сне!
Такие заботы!
Вот вся моя быль.
Спросил меня: кто ты? -
Отвечу: бобыль!

ФСАТИ

Сладко спать усталым.
Утром сон могуч...
Но скользит по скалам
Первый солнца луч.
Все кругом искрится,
Ветерок шумит,
Пробудились птицы...
Только Фсати спит.
Старца-исполина
В мире кто древней?
Вот вершин вершина -
Он живет на ней.
Снег сияет горный:
Манит вышина.
Там – нихас просторный,
А на нем – сосна;
С диких скал свергаясь,
Воет водопад;
С двух сторон, сверкая,
Ледники висят,
Камни с грозным шумом

Катятся с высот...
Лесом скрыт угрюмым,
Фсати здесь живет.
Стол его, сиденье -
Все хрусталь сплошной.
Из рогов оленьих -
Ложе под сосной.
Шерсть на нем медвежья,
Козий пух лежит...
Фсати утром свежим
Беззаботно спит.
Машут лопухами
Семь безусых слуг,
От него упрямых
Отгоняя мух.
Семь других румянят
На огне шашлык,
Жарят бок бараний -
Будет рад старик...
Гром гремит.
Поднялся С ложа Фсати: «Оф!
Я проголодался -
Завтрак мой готов?..»
Жирный бок грызет он.
Вдруг запели.»Гей!

Видно, вновь – охота.
Погляди скорей!..»
Юноша проворно
К леднику шагнул,
Со стремнины горной
В бездну заглянул
И без промедленья
Крикнул: «Слышу зов -
Просят там оленя
Девять ездоков.
Кони статны. Ружья
Крымские блестят...
– Нам олень бы нужен,
Пусть худой! – кричат».
– Щеголям блестящим,
Глупый, откажи:
Знай – у бедных тащит
Скот им Уастырджи.
Пусть он угостит их
Краденым скотом
Да аракой сытых
Напоит потом!..
Солнце на закате.
Песни вновь слышны,
Вновь прислужник Фсати

Сморит с вышины.
«Семерых на круче
Вижу бедняков,
Слышу их могучий,
Их веселый зов:
– О, уарайда, Фсати!
Щедрый, к нам явись.
Ты на горном скате,
Погляди-ка вниз
Ты оленя, Фсати,
Дай нам в добрый час.
Ты на горном скате,
Ты взгляни на нас!..»
В стареньких арчита,
С плохоньким ружьем.
Головы побриты
Сломанным серпом...
– Гей, юнец! Рогатых
Выпусти скорей:
Угости, как надо,
Дорогих гостей.

НА КЛАДБИЩЕ

Нет похорон многолюднее наших...

Нынче такая толпа провожавших

С гор и долин собралась -

Не повернуться на кладбище было,

Старый и малый стояли уныло,

Низко над мертвым склоняясь.

Был он единственный сын у слепого Старца.

На черных носилках сурово

Вот он замолк, недвижим.

Труженик вечный, старательный в деле,

До Алагирского был он ущелья

В каждом селенье любим.

С детства не знал он еды прихотливой,

Не щеголял он в черкеске красивой,

Да и не думал о том.

Скромный, со всеми он был одинаков.

И до сегодня сафьянных чувяков

Мы не видали на нем.

Нынче ж, смотрите, нарядный какой он!

Как у невесты, затянут и строен

Мертвого юноши стан.
Золото ярко блестит на одежде.
Разве оружие на юноше прежде
Кто замечал из крестьян?
Шашка с винтовкой под стать удалому.
Часто ль, однако, с оружием из дому
Он выезжал, как джигит?
Сроду коня у него не бывало!
Только теперь, когда время настало,
Конь перед мертвым стоит.
Женщины стихли... Умолкло рыданье...
Вот к мертвецу, соблюдая молчанье,
Старец подходит седой.
Темную кожу изрыли морщины,
Шапка, шубенка – из старой овчины...
Думаем: кто он такой?
Вытер он слезы дрожащей рукою,
Выпростал бороду перед толпою,
Взял за уздечку коня.
Смолкли мгновенно пред ним разговоры,
Люди печально потупили взоры,
Плачет, рыдает родня.
Старец на краткое замер мгновенье,
Вдруг он собравшимся на удивленье
Стал не спеша говорить.

Коль не могу повторить его речи,
Друг мой, земляк мой, прошу издалече
Слово мое не хулить.

Вот что сказал он: «Пусть будет довека
Память светла о тебе! Человека
Взор благородный угас.

Всем ты снабжен для поездки спокойной.
Конь лишь тебе не нашелся достойный
В этот безрадостный час.

К Тереку люди отправились ныне,
Ищут по пастбищам, ищут в пустыне,
Ищут по краю земли.

Много они берегов обскакали,
Много они табунов обыскали,
Но ничего не нашли.

Видишь, на небе, под желтой горою
Три скакуна вознеслись над тобою,
Уастырджи три жеребца?

Ближнего схватишь – ударит копытом,
Дальнего схватишь – он волком несатым
Кинется на молодца.

Средний блуждает по области неба.
Дай ему корку ячменного хлеба.
Славный Курдалагон-бог
Быстро коню изготовит подковы,

Будут узда и попона готовы -
Все для загробных дорог.
Первенцем месяца конь твой крылатый
Будет обуздан. Сын солнца, вожатый,
Даст тебе плеть и седло.
Сядь на коня! Не споткнись, опускаясь,
Не торопись, по горам поднимаясь,
Если коню тяжело.
Три пред тобою предстанут дороги.
Нижняя – это дорога тревоги, -
Кровники ездят по ней.
Мститель на верхней дороге таится.
Средней дороги твой конь не боится -
Значит, и ты не робей.
Это – твой путь! Он не шире тропинки.
Встретишь ты мост из одной волосинки -
Птице не перепорхнуть.
Пусть от бедра твоего иноходца
Мяса кровавый кусок оторвется, -
Так его нужно хлестнуть.
К царству усопших в мгновение ока
Перенесет тебя конь твой с востока, -
Солнца увидишь заход.
Скажут: «Темно! Уходи, мол, отсюда!»
Сердце – ходатай твой. Веруя в чудо,

Ты помолишь у ворот.
– Боже! – воскликни. – Создатель вселен-
ной!

Солнце в его красоте несравненной
Снова на небо верни!

Солнце усопших на небе заблещет,
Створы железных ворот затрепещут,
И распахнутся они.

Знает сын солнца дорогу до рая.
Все он тебе объяснит, проезжая,
Видя смущенье твое.

Вот ты заметил собаку у входа.
Лают щенки, не давая прохода,
Воют из чрева ее.

Спросишь ты: – Что это за небылица?
Суке не время еще оцениться. -

Молвит сын солнца в ответ:

– Женщина эта всю жизнь воровала, -
В образе суки ей время настало
Мучиться множество лет.

Дальше – срамное: мужчина с женою,
Шкурой вола покрываясь одною,
Перед тобою лежат.

Не поделить покрывало им, – сдуру
В разные стороны дергают шкуру.

Голые оба до пят.

– Что это значит? – ты спросишь в испуге.

Что они делают, эти супруги? -

Скажет тебе проводник:

– В жизни у этой бессовестной пары

Были одни перебранки и свары,

До ночи слышался крик.

Их разнимали соседи и дети...

Так и в загробном живут они свете! -

Дальше коня погони.

Новых супругов увидишь ты скоро.

Маленькой заячьей шкурой без спора

Плотно укрылись они.

– Как же им заячьей шкурки не мало?

Шкуры вола драчунам не хватало! -

Ты пожелаешь узнать.

– Верные эти супруг и супруга

Крепко при жизни любили друг друга, -

Здесь они любят опять.

Рядом, закутана шкурой гадюки,

Мечется женщина, вытянув руки,

Жабья косынка на ней.

Постницей раньше она притворялась,

Но втихомолку сама издевалась

Над пониманьем людей.

Камень посыпался вдруг над тобою -
Штопает женщина скалы иглою,
Хочет заштопать овраг.

– Что с ней? – Была и она своенравна:
Платье любовнику штопала славно,
Мужу зато кое-как.

Здесь она мужу заплатит сторицей!
Дальше! На женщине жернов вертится,
Мелет каменья в песок.

Денно и ночью, не переставая,
Крутится жернов, беднягу терзая...
Что был у ней за порок?

– Мельницу эта держала воровка.
Красть научилась муку она ловко.
Долго ли, сам посуди! -

Дальше скачи! Молоко водопадом
В кадку, подобную горным громадам,
Женщина льет впереди.

Сыру сварить она хочет для пира!
Глянь, а кусок получается сыра
Чуть ли не меньше яйца.

– Так ей и надо, бессовестной скряге!
Сколько бы ни было сыра в корчаге -
Не угостит пришлеца. -

Рядом – другая, в посудине жалкой

Сыра кусок подцепила мешалкой,
Да не поднять, тяжело!

– Эта, хотя ей еды не хватало,
Без угощенья гостям не давала
Ехать в другое село. -

В лучшую область спеши, человек!
Вот пред тобой на пригорке далече
Муж восседает с женой.

Гнется от тяжести стол перед ними, -
Полон напитками он дорогими,
Сладкой уставлен едой.

Пища тут с перцем, чеснок в изобилье!
Сколько б супруги ни ели, ни пили, -
Не иссякает еда.

– Что за диковина! – Эти супруги
Были бедны, но чурек свой в лачуге
С нищим делили всегда. -

Дальше! Какой-то бедняга в теснине
Носит камень в бездонной корзине,
Мучаясь около скал.

– Раньше, поклявшись отцовскою верой,
Мерил он земли неправильной мерой,
Пашни соседские крал. -

Дальше! Увидишь: в траве превосходной,
Бык из упряжки, худой и голодный,

Бороду старца жует.

Что ж он гнушается свежей травой?

Разве, питаясь сухой бородою,

Будет он сыт, сумасброд?

– Старец, быка раздобыв для упряжки,

Раньше соломы жалел для бедняжки, -

Вот он и кормит быка. -

Дальше! Шумит океан безграничный.

Некий изгнанник в скорлупке яичной

Заперт среди островка.

Мостик к изгнаннику лезвия уже.

Дверь, как ушко у иголки, к тому же. -

Этот несчастный злодей

Жил нелюдимом, детей он с женою

Выгнал и с жизнью простился земною,

Отгородясь от людей. -

Далее, в лед провалившись по шею,

Кто-то вопит пред тобой: «Леденею!» -

Гибнет за что он во льду?

– В час неурочный на каждой неделе

Крался, бывало, к чужой он постели, -

Вот и попался в беду. -

Башня стоит вдалеке ледяная.

В башне три старца сидят, замерзая

В креслах своих ледяных.

Льдистые палки пристыли к десницам,
Льдистые бритвы гуляют по лицам,
Режут, уродуют их.

– Как объяснить мне виденье такое?

– Некогда были в судилище трое

Выбраны целой страной.

Судьи, однако, пристрастными были,

Князя они и ребенка судили

Не сообразно с виной. -

Блещет дворец серебром на поляне.

В нем восседают на белом диване

Трое пришельцев с земли.

Знает твой спутник земной их обычай:

Эти судили без всяких различий,

Правду святую блюли.

Вот, наконец, и окрестности рая.

Плетью взмахни ты, и конь твой, играя.

К цели тебя донесет.

Слезешь с коня ты – детей вереница

Перед тобой на лугу веселится,

Бегая возле ворот.

Всадника радостно каждый встречает,

Кто за отца, кто за мать принимает...

Все-то босые они!

Этот – без пояса, тот – без папахи,

Эти – по горло задрали рубахи.
Ты их не тронь, не гони.
Ты приласкай их, поправь им одежды.
Стань у дверей, не теряя надежды,
Помощи жди от ребят.
Если привратник начнет упираться,
Дети невинные не согласятся
В рай уходить без тебя.
Семь золотых распахнутся затворов.
Мудрый Барастыр, царь мертвых, без споров

Пустит достойного в дверь.
Вот и в раю ты! Пусть будет довека
Память светла о тебе! Человека
Образ ты сбросил теперь.
Пусть же тебе этот плач безысходный,
Этот великий почет всенародный
Снимут унынье с чела!
Тесно с землей ты сольешься родимой.
Ждет тебя конь. О тебе, наш любимый,
Память да будет светла!»
Длань от уздечки отвел говоривший.
«Вечная память тебе, опочивший!» -
Все повторили кругом.
Справили гости обряд поминанья,

Но еще долго неслись причитанья
Над погребальным холмом.

БЕЗУМНЫЙ ПАСТУХ

Глянул вниз пастух с обрыва, -
Глаз не мог отвести:
Плыло облако лениво,
Белое, как шерсть.
Он в мечтах своих унесся
К облаку тогда.
Крикнул на краю утеса:
«Прыгну я туда,
Пусть пасутся на закате
Овцы надо мной, -
Я поплю на этой вате,
Белой, шерстяной...»
Над обрывом наклонился,
Крикнул: «Гоп!» – и вдруг
Полетел, как мяч... Разбился
Вдребезги пастух!

РЕДЬКА И МЕД

За глаза, мой друг, не смейся:
Осуждай пороки смело!
Будь ты лучше всех на свете,
Но бахвалиться – не дело!..
Сколько кушаний приносит
Добрая хозяйка! Что же:
Ведь и бедный стол порою
Честь оказывает тоже.
Все же кушанья гордятся
И себя возносят сами,
И одно чернит другое,
Похваляясь пред гостями.
Ну, шашлык, пирог – понятно!
Им всегда почет и слава.
Но вот задын, хомыс, бламык
Вы бы помолчали, право:
Вас едят – и то спасибо!..
Вот и редька нос задрала.
Горло жжет и дурно пахнет,
О себе же мнит немало!..
Так однажды на обеде

Редька тоже очутилась
И украдкой, потихоньку,
Близко к меду подкатилась.
«Как вкусна я с этим медом!»
Прошептала редька гостю.
«Обо мне не беспокойся:
Я и без тебя ведь вкусен!» -
Мед ответил ей со злостью.

ОЛЕНЬ И ЕЖ

Как-то олень от беды неизбежной
Лесом бежал – и, примчавшись к реке,
Раненый, рухнул на камень прибрежный,
Изнемогая в предсмертной тоске.
«Ох! – обратился к нему в это время
Еж из травы. – Ты ведь ранен, мой брат!
Что ж – и ежей благородное племя
Гонит ловец – будь он проклят стократ!»
– Горе! И ты с благородным оленем
Хочешь сравниться, завистливый еж?
Пусть же постигнет мой род истребленье,
Если с твоим хоть немного он схож!

ПОСТНИК

Человек за плугом скромно
И чуреком сыт.
Ох, давненько о скоромном
Старый кот грустит.
Не резвится дни и ночи,
Песенки забыл,
Сказок сказывать не хочет,
Свет ему постыл.
Выколи глаза такому,
До смерти избеи, -
Лишь одно подай худому:
Накорми скорей!
Есть спасенье не простое -
Нартовское, но
Свисло, ноздри беспокоя,
С потолка оно:
Бычье сало, – будто взяты
Маковки в жгуты,
Блеском яблок желтоватых
Дразнит с высоты.
Так разбухло, что местами

Треснуло, – и кот
Щурится, вода усами:
«Нет, не съесть и в год!»
А собака, видя сало,
Принялась ворчать
И, оскалась, прорычала:
– Что глядишь опять? -
Вздрыгнул кот, от злости хмурый,
Ухо почесал.
– Все-то вы, собаки, дуры! -
Он врагу сказал, -
О былых своих уловках
Я забыл совсем -
И скромного, воровка,
Я, как ты, не ем!

ПРИВЫЧКА

В рощу однажды пошел я с кремневкою,
Так, из причуды досужей;
Мало сказать, что охочусь неловко я, -
Трудно охотиться хуже!
Чтобы стрелять – и не думал я этого,
Не было в ней и заряду.
В сакле ржавела кормилица дедова
Лет уж четырнадцать сряду.
Пробуя колос, дивясь высоте его, -
Так я добрел до покоса.
Люди косили луга богатеевы,
Хор их гремел стоголосо.
Вижу внезапно я: некто меж грядками
Крадется тайно и молча;
Сам безоружен, но странен повадками,
Да и походка-то волчья!
Должен узнать я намеренье скрытое!
Крадучись, следую с краю
И впереди его кем-то забытую
Сумку в траве замечаю...
Да поразит лиходея проклятие!

Корки нужны ль ему эти?

– Эй ты! Не стыдно ль такого занятия? -

Крикнул я, кражу заметя.

Вот задрожал, оглянулся в смущении...

Вижу кого же я? – старца!

Окаменел он, и я в изумлении

Также безмолвен остался.

«Слушай, – сказал наконец он таинственно

(В горце узнал земляка я), -

Бросил ведь я воровство ненавистное;

Сумка – моя, не чужая».

– Сумка твоя, так зачем тебе красть ее,

Если рассудим мы здраво? -

Он застыдился, как девица красная:

«Это одна лишь забава».

Больше прибавить ему было нечего

(Кровником стал я, быть может),

Кто б захотел убедить сумасшедшего -

Даром себя потревожит.

«Слушай же, пользуясь встречей нашею,

Сердца открою причуду:

Слаще мне пища, когда у себя же я

Кражею завтрак добуду.

Это влиянье заклятья какого-то!

С детства обучен я краже.

Красть уже нет ни причины, ни повода,
Но не избавлюсь от блажи!
Лучшие яства не будут отрадою,
Сытый покой мне не нужен;
Не успокоюсь, пока не украду я
Хитростью собственный ужин».
Вырвав ружье у меня (мы заметили
Волка у темной лощины),
Выстрелил, – и – небеса мне свидетели!
Волк покатился с вершины.
Хлопнул в ладоши я: здорово слажено!
Чудо иль только сноровка?
Я ведь сказал, что была не заряжена
Ржавая эта кремневка!

ЛИСА И БАРСУК

На барсука свою злость неумемную
Точит лисица,
До Арджинарага ходят вдвоем они
В поисках птицы.
Если же где-нибудь вдруг повстречаются..
Многим на диво -
Словно родные, друг к другу ласкаются
Нежно, игриво.
Возле утеса в вечернем безмолвии
Встретились снова.
«Не выношу я, – плутовка промолвила, -
Больше спиртного.
Мимо владений бродила я княжеских,
Тихо шагая.
В ноздри ударила душною тяжестью
Влага хмельная.
Видно, поминки справляли, и пряное
Сусло осталось.
Даже от запаха стала я пьяная,
Дурно мне стало...»
Но, оборвав эту выдумку подлую

Хитрой лисицы,
Вниз покатился барсук. Вот уж под гору
Быстро он мчится.
«Что с тобой, друг мой, какою ты силою
Сшиблен, как в драке?» -
Пьян я: слова твои, кумушка милая,
Крепче араки!

МУЖЧИНА ИЛИ ЖЕНЩИНА?

С песней крестьяне проходят ущельями,
Но обрывается песня косца:
Глядь, – на дорогу из горной расщелины
Череп упал и рука мертвеца.
Шутят крестьяне: – Видать, запустелые
Наши дороги – бедняге должны!
Челюсти черепа белые-белые
Мертвой усмешкою обнажены.
Облит закатом, он блещет, как золото.
Смотрят глазницы, подобно очам...
Вдруг ядовитую струйкою холода
Страх пробежал у крестьян по плечам.
«Люди! – отшельник сказал из пещеры им.
Что у вас там?» – Вот, хотим угадать,
Кто потерял этот череп ощеренный:
Доблестный муж или честная мать?
«Экой народ! Вы глупее, чем перепел! -
Старый отшельник воскликнул шутя. -
Кто был хозяином этого черепа,
Вмиг разгадает теперь и дитя!
Всем нам особые свойства завещаны.

Каждому нраву – примета своя.
Кто же, скажите, не знает, что женщины
Перед поминками не устоят?
Чтобы узнать, то мертвец иль покойница,
Надобно крикнуть: – Вот тело лежит! -
Череп мужчины и с места не тронется,
Женщины череп стремглав побежит!»
Мало крестьяне поверили этому:
– Видно, смеется над нами старик! -
Но пренебречь не посмели советами
И над находкою подняли крик:
– Слава Хамбитте и царство небесное!
Как он, бедняк, умирал тяжело!.. -
В черепе вдруг что-то щелкнуло, треснуло,
И покатылся он тропкой в село.

В ПАСТУХАХ

Сказка

В пастухах бедняк когда-то
У циклопа жил.
Изнемог в нужде проклятой,
Выбился из сил.
У циклопа блещет злобой
Круглый глаз со лба,
Как амбар – его утроба,
Как совок – губа.
Не давал расти он стаду,
Поедал приплод. -
Ну, – сказал бедняк с досады,
Дай-ка мне расчет! -
«Добрый путь! Неволить силой
Я, брат, не привык...»
Стиснув зубы, прикусил он,
Наш бедняк, язык -
И назад со стадом в горы,
На цветущий склон...
Лопнет пусть пастух, который
Лжет, что счастлив он!

Наш пастух не знал отрады,
Отдыха не знал...
Как-то раз он к ночи стадо
С пастбища пригнал.
Великан вернулся тоже,
Красен, распален,
На ногах стоять не может,
Видно, выпил он.
Издевается, рыгая:
«Ты, брат, молодец,
Мне богатство сберегая,
Пас моих овец.
Рассчитаться за услугу,
Знать, приходит срок...
Мстить нам не за что друг другу,
Слушай-ка, дружок:
Девять хитрых есть загадок,
Девять, как одна!
Отгадай ты их – и стадо
Получай сполна.
А не то, – так даром, значит,
Пас ты стадо. Так?» -
Ладно, коль нельзя иначе! -
Говорит бедняк.
«Кто ж один, скажи? – Ответить

Тут бы каждый смог».

– Бог один на белом свете!

Кто же, как не Бог?

«Ну, а два? Что значит – пара?»

Тот спросил тотчас.

– Стережет пастух отару

Парой черных глаз.

«Ну, а тройка – что такое?»

– Что? – Треножный стол, -

Он накормит и напоит

Всех, кто в дом вошел.

«А четыре?» – То четыре

Сына. Искони

Все работы года в мире

Делают они.

«Ну, а что, скажи, пятерка?»

– Смысл яснее дня:

Пять сынов, что в жизни зорко

Берегут меня.

«Ну, а шесть? Посмотрим, что ты

Скажешь в этот раз!»

– Шесть я раз просил расчета

И слышал отказ.

«Что же значит семь?

Скорее Дай-ка мне ответ!»

– Семь голов иной имеет,
А ума в них нет.

«Ну а восемь – что? Попробуй
Отгадай, хитрец!

– Восемь лет я, глядя в оба,
Пас твоих овец.

«Пустяковые загадки
Зря я задавал,
Дай разгадку мне девятки!» -
Великан сказал.

– Далекое я был в девятом.

«Где ж, скажи, ты был?»

– Есть страна Терк-Турк, и я там
Целый год бродил.

«Через море ж нет дороги!»

– Я достал коня:

Старый овод хромоногий,
Перенес меня.

«Море высохло за лето?

Что ж, твой конь не плох».

– Нет! Орел над бездной этой
Пролететь не мог.

«Есть орлята, что осилит
Их цы пленок, брат!

– Ну, чтобы вола носили -

Нет таких цыплят!

«Если с мышью теленок ростом,
Так ли тяжело?»

– На спине мышонка просто ль
Уместить село?

«У колдуньи и курятник
За село сойдет!»

– Обежав курятник, вряд ли
Заяц устает.

«Над зайчонком скалишь зубы -
Ишь, какая прыть!»

– Не успеет пусть и шубы
С шапкой износить,
Кровь пусть тот застудит в жилах
В нартский зимний мрак,
Кто из шкуры зайца сшил их -
Нартов Урызмаг.

«Он для нартов мал как будто?»

– Знай – он вот каков:

На ноге его сойдутся
Девять петухов,
И тогда ему их пенье
Не тревожит слух.

«Что же в том за удивленье?
Он, быть может, глух?»

– За семью ли за морями
Стог бекасы вьют,
Жвачку ль под семью горами
Комары жуют, -
Все услышит, все расскажет
Этот человек.
Если вру – так стань сейчас же
Камнем здесь навек! -
Пораженный тайной властью,
Как пастух сказал,
Великан с раскрытой пастью
Каменный стоял.
Стал бедняк дышать свободней,
Все теперь его.
Мне барана дал сегодня
Тоже одного...
Как ничем там поживиться
Мне не довелось, -
Так и вам сто лет трудиться,
Чтобы все сбылось!

КИСКА

Киска, киска, кис!
Где ты, отзовись!..
В теплой шубке ходит,
У огня лежит,
Сказки говорит,
Песенки заводит.

ШКОЛЬНИК

— Чей сын ты?
— Толая!

— Где был ты?

Всегда я

В школе бываю с утра.

А-бе-ве

Читал я,

Бе-ве-ге

Писал я:

Грамотным стать мне пора.

ШАЛУН

Ястреб злой,
Улетай!

Волк, не вой,
Спать мне дай,
Не трогай чуть свет!
Сыч ночной,
Пропади!
Зайчик мой,
Не гляди -
Реву: хлеба нет!

КОМУ ЧТО...

Делу – свой черед.
Детям – мать, уход.
Стадо – пастухам.
Пастбище – стадам.
Ржи – о жницах весть.
Хлебу с солью – честь.
Малый грех – прощай,
Сердцу – ласку дай.
Время – врач тоски.
Буйным – синяки.
Всем лентяям – кнут.
Шустрым – рыба в пуд.

БУДЬ МУЖЧИНОЙ

Ты ранним утром встань,
Умойся, помолись:
«О Боже, в эту рань
Тебе вверяю жизнь...»
Пшеничный хлеб хорош, -
Ты б не был позабыт.
Пшеничного не ждешь, -
Будь кукурузным сыт!
Ты сумку приготовь
И в школу поспеши,
К ней прояви любовь,
Старайся от души.
Наставника ты чти,
И честь его и стать.
Работай и расти,
Чтобы мужчиной стать.

СИНИЦА

Порою глухою
В какие края
Стремится синица -
Рыбачка моя?
У птицы синицы
Где сестры, где мать?
И мне бы по небу
Как птице летать!

ЛАСТОЧКА

Ты с песней чудесной
Весной золотой
Веселье в ущелье
Приносишь с собой.
Так пой на просторе,
Над скалами рей,
Не ведая горя,
Нужды и князей.

ВЕСНА

Снег сходит, в природе
Все стало пестрей.
Где север, усеян
Склон грудой камней.
Склон южный весь в дружных
Побегах весны.
Землица дымится,
Дороги грязны.
Шалун мотылечка
Поймал... Для чего?
Весны ты защита, -
Не мучь ты его!

ЛЕТО

Созрела, поспела
На солнце морковь.
У тына – малина;
Лукошко готовь!
Съедобные травы
Сбирай на обед.
Уж места орехам
За пазухой нет.
Готовы у горца
Серпы и плетни...
Будь счастлив, земляк мой,
Во все свои дни!

ОСЕНЬ

Желтеют, темнеют
Трава и кусты,
На скатах щербатых
Туманы густы.
Вот сжали, убрали
Мы хлеб наконец;
Колотят, молотят...
Стричь будут овец.
Садами, стадами
И хлебом полна,
О, как ты богата,
Родная страна!

ЗИМА

Суровы покровы
Ненастной зимы;
В туманах, в буранах
Скитаемся мы.
Грозят нашим саклям
Обвалы с вершин.
Как предки, мы гибнем
От грозных лавин.
Бедняк сиротливый
Работы лишен,
И к небу взывает
В отчаянье он.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из ранних стихотворений

НОВЫЙ ГОД

Новый год пришел сегодня.
Пусть он счастье вам приносит!
Пусть в своих благодеяньях
Не оставит вас Христос!
Дети пели хором дружным,
Старики взывали к небу:
«Мы к тебе, о, Боже правый,
К духам гор, долин и рек
Обращаемся с молитвой.
Ты прости грехи нам, Боже!
Пусть все земли наши будут
Хлебом и скотом обильны!»
Вторя старшим, говорили
Младшие: «Аминь, аминь.
Пусть нам благо Бог дарует».
С частью жертвоприношенья
Юный виночерпий чашу
Передал для молодежи.
Турий рог подняв, старейший
Первый тост провозгласил
За Георгия святого.

Нам хозяйка, улыбаясь,
Хлеб, кувшины подносила.
На столах дымилось мясо,
А для пирогов, для сыра
Даже места не хватало.
В каждом роге белой пеной
Через край переливаясь,
Пиво как бы говорило:
«Пей! Тебе я впрок пойду.
Ты и через год захочешь
Пить до дна, живя счастливо!»
«Чашу полную – невестке!» -
Лекси выкрикнул. И вот уж
Чаша у нее в руках.
Лекси встал. Невестка тоже.
За невесткой повставали
Сида, Гук, Адам, Цамел.
И Барсаг, и Габрел встали,
Встал Иуан, и встал Михел.
Поднялись и те, что рядом,
За другим столом сидели.
Все – Симон, Тасо, друзья их -
На невестку поглядели.
Та гостей благодарила
И с поклоном, чуть пригубив,

Чашу возвратила им.
Вновь сказала всем спасибо.
Хлебопашцы пожелали
Ей добра, сказав: «Да будет
Радость у тебя на сердце!»
Им ответила невестка:
«Будьте счастливы и вы!»
«За твое, Леван, здоровье, -
Турий рог свой поднял Сида. -
Жизнь твоя да будет долгой,
О Леван! Живи для нас!»
«Да хранит тебя всевышний!»
Гук сказал. Леван ответил:
«Пусть благословеньем Бога
Будешь ты отмечен, Сида!
Гук, дай Бог тебе здоровья!»
Сида рог свой опрокинул -
Выпил все до дна и крикнул:
«Много лет живи, Леван!»
По рукам гостей ходила
Чаша жизни. Песня жизни
Украшала этот пир.

МУЖ И ЖЕНА

Вечером под праздник
Испекла хозяйка
Пять ковриг к обеду
И спешит поджарить.
Муж кричит сердито:
«Пусть не в радость будет
Для тебя работа!
Полночь бьет, а хлебы
Все еще печешь ты».
«Не кричи, – хозяйка
Мужу отвечает, -
Я сейчас кончаю»...
Спать легли. Но в двери
Дождь хлестал... Вдруг ветер
Дверь открыл – и холод
Все углы заполнил. Муж к жене:
«Иди-ка Дверь закрой, – продрогнем!»
«Сам закрой: мне трудно,
Я едва согрелась».
Муж твердит: «Ну, встань же,
Не ленись!» И слышит:

«Нет уж! Сам ты встанешь:
К двери ты поближе!»
Накричавшись, повернулись
Спинами они друг к другу,
Оба бурками укрылись
С головою – и заснули...
Чья-то черная собака
Забежала в дом открытый.
Потянула носом воздух,
Отыскала вмиг ковриги,
Две из них без передышки
С голодухи проглотила;
На дурной охоте этой
Уплела она и третью,
А четвертую стащила.
Не управилась лишь с пятой,
Лишь ее одну оставив
Мужу и жене на праздник.

**Стихотворения, песни и
басни, не вошедшие в
беловой автограф
«Осетинской лиры»**

* * *

Если бы пел я, как нарт вдохновенный,
Если б до неба мой голос взлетал,
Все бы созвал я народы вселенной,
Всем бы о горе большом рассказал.

О ЧЕМ?

Счастье... О чем я, безумец, мечтаю?
Где в наше время счастливица найдем?
Нет, не о счастье я к Богу взываю...
Друг мой, о чем?

ДУМА ЖЕНИХА

Как солнце дня -
Ты для меня!
Тебя бы лучше не встречать!
Ты запоешь,
И в сердце дрожь,
Мне не унять ее опять!
Твоих речей
Звенит ручей
В душе взволнованной моей!..
Жить без тебя
Не в силах я,
Готов я жертвой стать твоей!

ТОСКА ВЛЮБЛЕННОГО

Души моей свет!
Потерян твой след...
Ах, лучше б не знать мне тебя!
Ни пляски твоей,
Ни темных бровей
Забуть не могу я, любя.
Улыбкой своей
Была ты милей,
Чем солнышко вешнего дня.
А твой разговор,
Твой ласковый взор
Страдать заставляли меня.
Что будет со мной?
Горю я тоской,
Ты в сердце моем – лишь одна!
Отрада, покой
Пропали с тобой,
И жизнь без тебя не нужна!

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Когда б с порога вашего
И я пропел бы вам:
«Хадзаронта, хадзаронта,
За вас я жизнь отдам!»
Когда б ты вышла из дому,
Ту песенку любя,
Одним глазком бы, солнышко,
Взглянул я на тебя!
Когда была б ты ласковой
Со мной наедине,
Когда б спросила: кто же ты?
И улыбнулась мне, -
Тебя схватил бы за руку,
Тебе сказал бы я:
«Я тот, кто жизнь отдаст тебе,
Любимая моя!»

УПРЕК

Кроткого обидишь -
Он и ущемлен!
А упрямцу, видишь,
Твой упрек смешон.
Как-то Мишка начал
Волка укорять:
«Серый, честь ты нашу
Замарал опять.
Всех ты силой губишь..
Скор ты на язык,
А просить не любишь,
Нападать привык.
Если б стал обжора
Гордостью зверей,
Ты тогда, без спора,
Был бы всех знатней!
На обжорство злое
Честь я не менял.
Ребра от побоев
Кто из нас терял?
К овцам даже в стужу

Не кидался я.
Что позорней, хуже,
Чем судьба твоя?»
Волк ответил: «Это
Правда» – и ушел.
И тотчас же где-то
Закричал козел.

ПРИСЛУЖНИК

Песня

Привал в лугах с густой травой.
Пастух, ты песен не поешь.
Но что случилось с тобой,
О чем горюешь, молодежь?
Кто на похлебке рот обжег,
На воду дует, говорят,
И тот, кто стать шпионом смог,
Во тьму упрятать имя рад.
Со стадом, горец, ты идешь,
Не устаешь от высоты.
Скажи мне, наша молодежь,
Зачем живешь не дружно ты?
Как не заметить в стаде нам
Бычка-красавца молодца?..
Не тайна – честных имена.
Не тайна – имя подлеца.
Скажу: среди русских вырос я -
Вина их не держал во рту...
Чего стесняться нам, друзья?
Поговорим начистоту.

А что сказать? Куда ни шло,
Скажу, что говорил всегда:
Прислужник – вот позор и зло,
Погибель наша и беда!
Волчиха стадо в поздний час
Разгонит по полю, во тьму.
Прислужник сделался сейчас
Алдаром, стал главой всему.
Сыта волчиха, все же ей
Охота рвать еще овец.
Прислужник клеветой своей
Позорит родину, наглец.
Не может даже скот считать
Чужой семью своих коров.
Прислужник ближнего бросать,
Как злобный враг, в огонь готов.
Отарой лучшей, скажем так,
Свою считает и овца.
Прислужник, серый, как ишак,
Плевков не может снять с лица.
Больные все в одном равны -
Лишь о своей болезни спор.
Прислужник для моей страны -
Ее болезнь, ее позор!

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Хозяева, хозяева!
К вам путники, – узнали вы?
С улыбкою всегдашнею
Введите в вашу башню их!
Хозяева, хозяева!
К вам новый год пожаловал.
Пусть, добротой охваченный,
Он даст вам всякой всячины!
Ловцу – оленя сильного,
Его хозяйке – сына бы,
А мне от пира вашего
Одну бы руку башила!
Хозяева, хозяева!
К вам путники, – узнали вы?
К вам новый год пожаловал
С дарами небывалыми!

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ

Дети Осетии,
Братьями станем
В нашем едином
И дружеском стане.
С нами высокое
Знамя народа.
К свету, с победною
Песней похода!
К правде сверкающей
Смело шагайте!
Труссы, бездельники,
Прочь! Не мешайте!

ПРИВЕТ

Не дал нам Бог благословенья,
Не нам судьбу свою вершить.
Не жди хвалы и песнопенья -
Не в силах мы благодарить.
Наш разум мал и сердце слабо,
А речь – как путник, что устал.
Ты был отцом народа, славой
Вершины гор перерастал,
Все доблести твои – живые!
Ста жизням жизнь твоя равна.
Ты завершил дела земные -
Большая башня сложена.

Незавершенные произведения

ХЕТАГ

Поэма

Ох – хай!.. Что делать мне? Чем мне утешиться?

Уастырджы славный, ты слышишь мой голос?

Если бы мне для фандыра нестройного
Дал ты из гривы авсурга хоть волос!

Ох – хай!.. Что делать мне, о, что же делать мне?..

Друг незнакомый из милого края,
Не укоряй ты меня, одинокого,

Коль на фандыре не звонко сыграю!

Судят всегда о певцах одинаково:

Спой о себе – не понрависься людям...

Мы хороши, коль ни предку, ни кровнику

Честь похвалою воздать не забудем...

Ну, так о чем же, о чем я спою тебе?
Кто ты, земляк мой? Немного вниманья!
Может, себя похвалю я когда-нибудь,
Ныне ж – о предках послушай преданье...
Трудно сказать мне, давно ли, недавно ли
Было все то: дни минувшие темны.
Сам вот в десятом колене от Хетага
Числюсь я – бедный, бесславный, никчем-
ный.

Род его, имя – несем и поныне мы,
Веру его же в сердцах сберегая.
Подвиги Хетага в горских преданиях
Связаны с временем хана Мамая.
Что же ты скажешь мне, друг мой неведо-
мый?

О, я фандыр свой хвалить не посмею! -
Все же внимай мне; преданье о Хетаге
Перескажу я тебе, как умею.

I

Там, где Кубань, к черноморскому берегу
Войско Мамая аланы погнали...
Кровью окрасились воды кубанские,
Трупы в реке островками всплывали...

Много сражалось там юношей доблестных,
Многие отдали жизнь там отчизне...
Подвиги павших в жестком побоище
Те, кто остались, отметят на тризне.
Вот возвращаются славные воины,
С ними добычи богатой немало...
Бяслан, Асланбек и Хетаг задумчивый -
Трое храбрейших, три сына Инала -
Первыми едут. Отца постаревшего
В битву кровавую дети не взяли.
«Не опозорьтесь!» – Инал их напутствовал.
«Верь нам, отец наш!» – три брата сказали.
И сыновья оправдали доверие,
В блеске оружия, в сабельном звоне
Насмерть стояли; и в пекло сражения
Львами кидались горячие кони.
Бились три брата – три молнии грозные,
В бой за собою других увлекая.
Хлынула рать их весенней лавиною,
Смяла, разладила войско Мамая.
Ровно неделю сражались без устали,
Орды разбитые в страхе бежали.
День же восьмой для аланов был радост-

НЫМ:

Недрузи скрылись за их рубежами...

Много людей истребили Мамаевых,
Много сокровищ аланам досталось.
Гордые, весело едут под знаменем,
Песня летит, побеждая усталость.
Радость и тем, кто остался в селениях, -
Кто? Старики лишь да жены и дети;
Вперегонки издалека торопятся,
Бросив дома, победителей встретить.
Каждый к селенью Инала заранее
Мчится, отстать от другого не хочет...
И от детей, от наряженных девушек
Поле пестреет и радуется очи...
Вот уже выехал вместе в алдарами,
С другом Солтаном – испытанным, сме-
лым,

С князем одним, абадзехским владетелем,
Старый Инал на коне своем белом.
Возле Кургана ристалищ слышал он
Топот и песню о подвигах бранных;
Тронул коня он, и с легкостью беркута
Взвился скакун на вершину кургана.
Алый ковер, три подушки турецкие
Были разостланы там, на вершине.
Спешились. Князь опустился на нижнюю,
Выше – Солтан, а Инал – в середине.

Сзади стояли соседи их знатные;
Каждый, как юноша, строен был станом...
Тут задрожала равнина широкая, -
Войско аланов дошло до кургана.
Бяслан, Асланбек и Хетаг подъехали,
Борзых коней напоить приказали
И, подойдя, со словами приветствия
Перед отцом и гостями предстали.
«Рады вас видеть! – сказали старейшины. -
Что же наш враг? Не добился он толку?»
«Слава дауагам! – ответил им весело Бяслан. -

Клыки обломали мы волку!»
Неторопливо все ратные новости
Бяслан поведал гостям по порядку...
«Верьте, отныне в набег уж не ринется
Враг наш, забудет он волчью повадку!
Много добра из обоза богатого -
Всяких сокровищ, оружия тоже -
Взяли мы. Сам же Мамай обесславленный
Спасся, на битую выдру похожий.
Тот, кто в бою уцелел из насильников,
Больше не стал подчиняться Мамаю.
Сами к нам шли, или силой мы брали их, -
Пусть нам ячмень молотить помогают!..

Года не хватит о битве рассказывать.
Славой покрыл себя каждый наш воин.
Но не могу умолчать я о Хетаге:
Младший мой брат восхищенья достоин!..»
«Слава дауагам! – сказали старейшины. -
Мужество ваше и ваша отвага
Переживут в поколениях столетия
И не забудутся. Слава дауагам!»
Был и отец сыновьями порадован, -
Их благородством, их доблестью бранной...
Встал он с ковра, озарившись улыбкою,
Встали и князь абадзехский с Солтаном.
Руку простер он с кургана зеленого.
Замерло войско, вниманье утроив.
Солнцем Инал поглядел – и взволнованно
Благодарил он бесстрашных героев:
«Чем оплачу вашу доблесть великую,
Дети любимые?.. Долго живите!
Ныне ж мне будьте гостями желанными,
Повеселите меня, отдохните!»
«Гай-да-га! Гай... Да пребудешь в обилии!»
Крик по горам прогремел ураганом,
Грянули воины песню, и конница
Снова рядами пошла под курганом...

Было народу великое множество
Ровно неделю в гостях у Инала...
Ой, никогда ни в какие столетия
Пира такого земля не видала!
В ярких нарядах кружились там девушки
В симде, – пригожие все, молодые.
Но к дочерям несравненным Солтановым
Были прикованы взоры людские.
Старшая – тихая, стройная, томная,
Взгляд, как полночные лунные дали.
Имя – Чабахан, но люди приветливо
«Светом луны» эту девушку звали.
Младшая, шустрая и шаловливая,
В танцах веселых красою блистала.
Звали Залихан ее. Словно солнышко,
Каждому сердце она освещала.
С разных сторон наезжало к ним свататься
Много князей, узденей и султанов,
Но никого себе сестры не выбрали,
А выходить бы и младшей не рано.
Ласковей, чем шестерых сыновей своих,
Нежил Солтан их; любил их глубоко,
Душу б он отдал за счастье дочернее,
Сестры не знали отцовских упреков.

... Плясок таких в Кабарде и в Осетии
Люди дотоле еще не видали.
В симде лишь Хетаг один не участвовал -
Пир не избавил его от печали.
Людям была непонятна, неведома
Грусти такой неуместной причина.
Самым отважным был Хетаг в сражении, -
Что ж на душе у него за кручина?..
В верхней гостиной сидели старейшины.
Был там Солтан тамадой. Он молился,
Словно пророк; пил, как витязи нартские;
Как молодой, на пиру веселился.
Крикнул Солтан: «Позовите-ка Хетага!
Здравица эта – за воинов наших!
Я захмелел. И, покуда из рук моих
Юные гости не приняли чаши,
Пить подожду». Вмиг явился к ним юноша.
«Ближе!» – кивнул тут седой головою
Старый Солтан. Встал и начал молиться
он...

Долго молился... Взглянул на героя...
«Хетаг, – сказал он, – с отцом твоим издав-

на

Знали нас все как друзей неразлучных.
Радость вот этого пира дороже мне

Рода, потомства и стад моих тучных.
Ты же явился виной ликования,
Мужественный и отважный наш воин.
Вот говорю перед всеми: ты властвовать
Мною, о Хетаг, отныне достоин!
Горе к тебе пусть вовек не подступится, -
Лучше на наши пусть головы ляжет...
Так выбирай же из двух дочерей моих
Ту, на которую сердце укажет!»
«Гай-да-га!» – крикнули гости, и дрогнули
Стены, и эхо прошло по отрогам...
И, поздравляя Солтана, старейшины
Преподносили ему рог за рогом.
Встал тут Инал, воцарилось молчание.
«Слушай, Солтан, я скажу тебе слово!
Кровью и костью мы близки. Но, может
быть,
Хетаг не стоит подарка такого».
«Гай-да-га! Кто ж тут достойнее Хетага? -
Гости кричат в возбуждении жарком, -
Мудрый Солтан не изменит решения,
Всех нас порадует щедрым подарком!»
«Свет мой! – Солтан обращается к Хетагу. -
Дело решить только ты теперь волен.
Должен своими устами сказать ты нам:

Даром моим ты, надеюсь, доволен?»

Гости затихли. Не слышно ни шороха.

Что это?.. Горько понурился Хетаг.

Что это, что?.. Неужели не может он
Слов благородных найти для ответа?!

Хетаг вздохнул сокрушенно и горестно.

«Будь мне судья и свидетель, о Боже!

Если ты сердце мне создал для радости, -

Кто ж ему «Лунного света» дороже?

Но... как же быть, о Солтан? Согласится ли

Девушка? Вряд ли... Клянусь тебе честью,

Слово за ней.... Коль решится когда-ни-

будь,

Пусть поспешит к нам с отрадною вестью».

«Хетаг, не дело смеяться над старцами!

Правда сейчас же нам станет известна.

Кликните девушку! Все вы увидите,

Сердце детей моих лживо иль честно!»

Много в гостиную девушек хлынуло,

Юношей выйти во двор попросили.

Выбежал с ними и Хетаг взволнованный,

Слышать ответ ее был он не в силе...

Входит Чабахан. Дотолпе не видели

Девушку эту так мертвенно бледной;

Очи померкли, уста ее дрогнули,

Перехватило дыхание у бедной.
Увещевает отец ее ласково:
«Свет мой, ответь нам, стесняться не надо!
Хетаг к тебе собирался посвататься.
Рада ты этому или не рада?»
Словно олень от неожиданного выстрела,
Девичье сердце метнулось пугливо,
Взор засверкал, точно звезды небесные,
Залил ей щеки румянец стыдливый.
«О, мой отец! Если скромность дочернюю
Не оградил ты от взора людского, -
Что же таить мне, чего же стесняться мне?
Прямо свое я скажу тебе слово:
Были друг другу желанны мы с Хетагом.
Чувства мои назовет ли он ложью?
Стали б навек на земле неразлучны мы,
Но... непреклонно веление Божье!
Хетага в Крым посылали родители, -
К иноку-греку попал он в ученье,
И о законах суровой религии
Сам он рассказывал мне с увлечением.
Видел Христа он как будто воочию,
Видел его воскресения чудо,
Книги читал он, внимал проповедникам...
С верой чужою вернулся оттуда...»

Девушка смолкла... В лице – ни кровиночки...
ки...

Вот покачнулась, взмахнула рукою...
На руки младшей упала... Как мертвую,
Перенесли ее тут же в покои.

Гости стоят, словно окаменелые,
Не начинает никто разговора.

Все на Солтана с Иналом испуганно
Смотрят: боятся, не вспыхнула б ссора...

«Други, присядем! – Солтан их обрадовал. -
Дочь, где и можно б, смолчать не умеет...»

Ай да Солтан, да лишится он матери! -
Вовремя ж разум его пламенеет!..

III

Кончился пир... Благодарный хозяину
Люд не спеша по домам расходился.

Каждый напиткам и яствам бесчислен-
НЫМ,

Гостеприимству хозяев дивился...

Были в черкесской арбе перед выездом
Пышно коврами сиденья покрыты.

Быстро быки из ворот ее вынесли,
Рядом скакали лихие джигиты...

Вот за мостом и Солтана селение, -
Грянули песню, подобную грому...
Сестры в арбе, со своею кормилицей,
Грустные, едут к отцовскому дому.
Выйдет навстречу к ним мать их родимая,
Горе не скроешь от нежного взгляда!
Чуткое сердце забьется у матери.
Только посмотрит – и слов ей не надо...
Старый Солтан у Инала замешкался.
В сад они вышли, спокойствия полный;
Сели в раздумье под дубом у берега,
Долго смотрели на быстрые волны...
«Друг мой, – к Иналу Солтан обращается, -
Стоит ли нам сокрушаться без меры?
Парень поймет, дай лишь время одумать-
ся,

Не отречется от дедовской веры.
Слышал ты сам и слова моей дочери:
Хетаг ей солнца весеннего краше...
Сам посуди, – ведь от счастья не бегают!
Стоят ли Хетага головы наши?..»
«По сердцу мне, о Солтан, твои помыслы!
Ты ли в желаньях моих усомнишься?
Но загляни себе в душу – спроси ее,
С христианином ужель породнишься?»

«Сердце отца, как скакун, не стремится ли
К счастью детей? Друг мой, там его место!
Доброе дело коротким решается
Словом: хоть завтра берите невесту!»
Подали руки друг другу... Так весело
К дому пошли, словно женятся сами...
Вскоре, с коня уж, Солтан на прощание
Крикнул: «Да будут нам боги друзьями!..»
Едет по улице. Семеро всадников
Рядом, гарцуя, вспылили дорогу...
Вот стариков на нихасе увидел он,
С ними еще задержался немного.
«Сядьте, соседи! – сказал им приветливо. -
Другом Инала от вас я отбуду!»
Старший нихаса ответил торжественно:
«Люб нам, Солтан, ты всегда и повсюду!
Пусть же порукою счастья и верности
Вскоре меж вами появится внучек!»
«Долго я жил, но клянусь, что ни слыхивал
Я до сих пор пожелания лучше.
Слава богам!.. Но ведь внук – это мало нам.
Девять внучат не пошлют ли нам боги?..
Дней вам счастливых. Живите во здра-
вии!..»

Люди ответили: «Доброй дороги!..»

* Коста. Полное собрание сочинений. Т.1.
Изд. «Менеджер». Москва,
1999 г.

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
04.01.2009**